

не такой тяжкой, какъ литературная смерть, и потому я прошу замѣнить этотъ приговоръ высылкой изъ предѣловъ СССР. Если же я не преступникъ, я прошу разрѣшить мнѣ вмѣстѣ съ женой временно, хотя бы на одинъ годъ, выѣхать за границу — съ тѣмъ, чтобы я могъ вернуться назадъ, какъ только у насъ станетъ возможно служить въ литературѣ большимъ идеямъ безъ прислуживанія маленькимъ людямъ...»*)).

*) Въ La Revue de France, 1936, VIII Замятинъ въ своей памяти о Горькомъ рассказываетъ, какъ благодаря Горькому получилъ онъ разрѣшеніе выѣхать за границу. Сябдуетъ добавить, что Горькій перелалъ Сталину письмо Замятинна.

*

И въ третій разъ я увидѣлъ его во снѣ. Это когда я сталъ перечитывать его книги и думалъ, какъ напишу о немъ. Одновременно я читалъ Пришвина «Журавлиную родину», меня поразило его зрѣніе и слухъ: такъ описать разсвѣтъ — какая поэзія! и сказка про ежика! И опять я думалъ о Замятинѣ, вотъ кто бы оцѣнилъ.

Я его увидѣлъ у калитки сада — чудесный садъ! — и онъ былъ не тотъ затравленный, озирающийся, съ запечатаннымъ сердцемъ и запечатанными устами, какимъ онъ появился въ Парижѣ, а тотъ Замятинъ, какимъ пришель онъ къ намъ на Таврическую послѣ «Уѣздного». И я подумалъ тогда: «какой онъ умный!» И мы вошли въ садъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Послѣ Оксфорда

1.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ показателей глубины современного кризиса является участіе или, по крайней мѣрѣ, заинтересованность въ немъ христіанской Церкви. Въ однихъ странахъ, какъ жертва, въ другихъ, какъ соратница, въ третьихъ, какъ голосящая оцѣняющая совѣсть, но Церковь повсюду вовлечена въ политику, вовлечена въ узелъ кажущихся неразрѣшимыми экономическихъ, социальныхъ, национальныхъ проблемъ. Это дается Церкви не легко. Мы очень далеки отъ тѣхъ теократическихъ временъ, когда Церковь брала на себя отвѣт-

ственность за все, совершающееся въ мірѣ. За послѣдніе четыре вѣка — вѣка индивидуалистической культуры, — религія привыкла удовлетворяться отведеннымъ ей мѣстомъ и кругомъ вопросовъ личнаго спасенія. Сдѣлавши «изъ неволи добродѣтель», она даже полюбила эту свободу отъ міра, эту жизнь въ разрѣженномъ воздухѣ чистой молитвенной духовности. Правда, платой за эту «чистоту» духа было безоговорочное принятіе сложившихся общественныхъ отношеній въ міру. Никогда въ своемъ героическомъ прошломъ Церковь не была такъ связана съ господствующими группами и формами общественной

жизни, какъ въ эти вѣка духовнаго индивидуализма. Цѣна казалась не слишкомъ дорогой: отдать «кесарево кесарю», отказавшись отъ мечты о христіанскомъ его перевоспитаніи, и ограничиться дѣломъ спасенія. Въ той или иной степени это относится ко всемъ христіанскимъ исповѣданіямъ, хотя по разному понимается ими спасеніе и не похожи чаяншіяся на динаріяхъ облічія Кесаря. Аполитизмъ въ Церкви нарушался обыкновенно лишь тогда, когда приходилось защищать кесаря отъ его противника: абсолютную монархію отъ либерализма и демократіи, капиталистическую систему отъ социализма. Эта защита совершалась по наивной увѣренности въ прочности, «богоустановленности» сложившихся порядковъ и не столько, быть можетъ, изъ чувства серпизма, сколько въ интересахъ — конечно, ложно понятыхъ — все той же духовной свободы. Какими безконечно далекими отъ насъ кажутся эти времена, хотя въ Россіи ихъ отдѣляютъ отъ насъ какихъ-нибудь два десятилѣтія.

Въ міръ нѣтъ уже ни одной абсолютной монархіи и ни одной страны, гдѣ капитализмъ представлялъ бы живую, дѣйствующую систему, а не ея хаотическія обломки. Уже и демократія, побѣдившая повсюду монархическое самодержавіе, стоитъ предъ собственнымъ грознымъ кризисомъ. Уже и социализмъ, «побѣдившій въ одной странѣ», раскрылъ свои глубокія внутренніи противорѣчія. Стало триумфомъ повторять, что мы живемъ въ эпоху одной изъ величайшихъ социальныхъ и культурныхъ революцій, какія когда-либо переживалъ міръ, а въ эти

годы, въ шумѣ политическихъ событій, все чаще слышится голосъ христіанскихъ церквей, защищающихъ не только вѣчную жизнь противъ посягательствъ временнаго, но и само временное, самую человѣческую исторію отъ угрожающаго уничтоженія. Замѣчательно, что эти голоса Церкви, за рѣдкими исключениями, перестали быть чисто охранительными. Что защищать? Какого кесаря стоитъ еще оборонять отъ враговъ? Всѣ законные кесари впади въ полное безсиліе, а сильные и новые, узурпаторы — тѣ ненавидятъ Церковь и не ждутъ отъ нея — слава Богу — ни благословенія ни опоры. Если міръ будетъ существовать — міръ культуры, скажемъ точнѣе: міръ европейской культуры, — онъ долженъ быть перестроенъ заново; въ этомъ, кажется, никто не сомнѣвается. Бѣда лишь въ томъ, что точный планъ новаго зданія никому не извѣстенъ.

Только что (12-25 июля) состоялся въ Оксфордѣ всемірный конгрессъ христіанскихъ церквей, посвященный вопросу: «Церковь, народъ и государство». Этотъ съѣздъ, наряду съ Эдинбургскимъ того же мѣсяца, является послѣдней и самой мощной манифестаціей того, что принято называть христіанскимъ экуменическимъ движеніемъ. Движеніе это можно было бы, въ порядкѣ пародіи, назвать христіанскимъ Интернаціоналомъ, хотя участники его съ негодованіемъ отвергаютъ такое сравненіе. Дѣйствительно, есть глубокое внутреннее отличіе между всеми внѣшними формами сотрудничества народовъ и движеній, которыя именуются интернаціональными и религіозными

встрѣчами людей, связанныхъ общей молитвой прежде общаго дѣла. Но, съ другой стороны, экуменическія собранія не вселенскіе соборы, даже вообще не соборы Церкви, ибо въ нихъ отсутствуетъ само единство церковнаго общенія, такъ какъ участники ихъ принадлежать къ разнымъ, часто безконечно далекимъ другъ отъ друга религиознымъ общинамъ. Это не соборы, но новый опытъ соборованія — совершенно небывалый въ христіанской исторіи. Трагическое раздѣленіе церквей остается. Никто не пытается умалять его значенія, или преуменьшать предѣлы вѣроисповѣдныхъ отличій. Разногласія существуютъ попрежнему. Чего нѣтъ, — это атмосферы вражды и подозрѣнія, съ которыми относились дониндѣ другъ къ другу христіане разныхъ церквей и толковъ. Соединеніе церквей — еще безконечно далекая задача, едва различимая въ историческихъ перспективахъ, но соединеніе христіанъ въ любви надеждѣ (если не въ вѣрѣ) — въ молитвѣ и общемъ дѣлѣ есть уже осуществляющийся фактъ. Но, вѣдь, это уже большая половина пути къ конечной цѣли. И когда думаешь о томъ, какъ быстро пройдена она, достигнутое кажется почти чудомъ.

Въ 1925 году въ Стокгольмѣ, по почину покойнаго архіепископа Седерблома, состоялся первый мировой экуменическій съѣздъ. Конечно, ему предшествовала большая подготовительная работа. Экуменическія встрѣчи, особенно миссіонерскія, происходили и раньше со времени войны и даже передъ самой войной. Но Стокгольмъ былъ первымъ экуменическимъ конгрессомъ, на кото-

ромъ присутствовали представители всѣхъ церквей и хоть сколько-нибудь значительныхъ христіанскихъ общинъ, кромѣ римской. Стокгольмскій съѣздъ, собравшись въ юбилейную годовщину перваго вселенскаго (Никейскаго) собора (325), по замыслу устроителей долженъ былъ служить первымъ шагомъ въ дѣлѣ соединенія церквей. Такимъ образомъ онъ ставилъ себѣ по существу экуменическую, а не социальную задачу. Но для того, чтобы этотъ первый шагъ могъ быть сдѣланъ, устроители не могли найти лучшей конкретной темы, чѣмъ тема социального служенія. Раздѣленные догматами и канонами, христіане могли прежде всего объединиться на общемъ дѣлѣ. Пслѣвоенная Европа, взволнованная и еще не вошедшая въ берега, требовала большой работы — умиротворенія, строительства, организации. Христіанской жертвенности было въ чемъ проявить себя. Такъ создалось широкое экуменическое движеніе социального христіанства подъ именемъ «Жизни и дѣла», — короче «Стокгольмъ» со своимъ журналомъ, своимъ постояннымъ бюро, исследовательскимъ институтомъ въ Женевѣ. Наряду съ этой социальной вѣтвью экуменической работы выросли и другія. Черезъ два года послѣ Стокгольма былъ съѣздъ въ Лозаннѣ, посвященный догматическимъ вопросамъ, тоже оставившій послѣ себя постоянную организацію («Вѣра и строй»). Образовались и инныя вѣтви догматическаго движенія: Миссіонерскій Совѣтъ, «Дружба народовъ черезъ церкви» и т. п. — Особенно дѣятельны юношескія организаціи, студенческія и об-

щія, возникшія еще въ прошломъ столѣтіи.

Судьбѣ угодно было, чтобы Стокгольмское движеніе («Жизнь и Дѣло») оказалось наиболее актуальнымъ. Изъ средства для экуменическаго сближенія, изъ удачно выбранной темы для общей мысли и работы, движеніе социальнаго христіанства приобрѣло, въ жестокихъ условіяхъ времени, самоовлѣющее значеніе. Какъ само оно измѣнилось за эти двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ между Стокгольмомъ и Оксфордомъ — вторымъ всемірнымъ конгрессомъ социальнаго христіанства. Стокгольмъ былъ временемъ всеобщаго оптимизма, вѣры въ близкое и безболѣзненное разрѣшеніе всего узла послѣвоенныхъ проблемъ: время Бриана и Штресемана, Локкарно, пакта Келлога, братанія вчера враждовавшихъ народовъ. Соціальный вопросъ не вставалъ еще въ своей остротѣ въ эпоху послѣвоенной горячечной prosperity. Россія, съ кровавой революціей, казалась единственной раной на тѣлѣ Европы. Но Россія была далеко — да и въ Европѣ ли? Русская бѣда казалась наказаніемъ за чисто русскіе грѣхи, да и сама эволюція большевизма въ эпоху Напа дѣйствовала успокоительно. Двѣнадцать лѣтъ, — и вся картина измѣнилась. Экономическій кризисъ разразился и, углубляясь, принялъ структурную форму, обнаруживъ обреченность старой хозяйственной системы. Въ половинѣ европейскихъ странъ, на развалинахъ демократіи, установилась болѣе или менѣе тираническая диктатура. Разговоры о разоруженіи смѣнились всеобщимъ усиленнымъ вооруженіемъ. Въ раздѣленной на два военныхъ

лагеря Европѣ растутъ національные антагонизмы, зрѣетъ ненависть, — наконецъ, и война уже вспыхиваетъ то тамъ, то здѣсь на міровой картѣ — Китай, Абиссинія, Испанія — угрожая каждый день общимъ пожаромъ. Гитлеровская революція была рубежомъ двухъ эпохъ. Это былъ обвалъ не только молодой германской демократіи, это былъ обвалъ цѣлой культуры.

Соціальный вопросъ, или комплексъ вопросовъ, пересталъ быть однимъ изъ многихъ, онъ сталъ вопросомъ жизни и смерти. Измѣнилась и связь его, для христіанства, съ вопросомъ экуменическимъ. Теперь онъ уже не столько даетъ пищу для слабо разгорающагося экуменическаго движенія, сколько требуетъ отъ этого, нынѣ уже мощнаго движенія мобилизаціи всѣхъ силъ для своего собственнаго рѣшенія, т. е. для спасенія человечества отъ непосредственно угрожающей гибели.

2.

Отъ Стокгольма — къ Оксфорду. Рѣзкой переимѣнъ всей исторической обстановки соответствовать возросшая зрѣлость, содержательность и рѣшительность отвѣтовъ или формулировокъ. Въ Стокгольмѣ формулировались общія мѣста социальнаго христіанства; удареніе ставилось скорѣе на этической необходимости социальнаго служенія въ разнообразныхъ его формахъ. Въ Оксфордѣ — это конкретные отвѣты на трагическіе вопросы жизни. Дѣло идетъ уже не о социальномъ воспитаніи христіанъ, а о немедленномъ, организованномъ воздѣйствіи ихъ на міръ. Какъ,

пъ какихъ направленіяхъ, въ какихъ цѣляхъ, какими средствами? Ясно, что среди тысячи собравшихся христіанъ разныхъ странъ, разныхъ партій и общественныхъ положеній не могло быть полнаго единства въ этихъ отвѣтахъ.

Въ социальной жизни вѣрующіе какъ и невѣрующіе далеко расходятся во взглядахъ, нерѣдко вступають въ борьбу между собою, оказываясь на разныхъ сторонахъ военныхъ и революціонныхъ фронтовъ. Трагическій примѣръ — Испанія. Невозможность общезначимаго отвѣта заставляетъ опасаться подмѣны подлинныхъ рѣшеній искусными формулами, прикрывающими пустоту содержанія блескомъ фразы, въ религиозной мысли особенно отвратительной. Многое заставляло отнестись скептически къ успѣху подобнаго съѣзда. Готовиться много лѣтъ собрать тысячу людей со всѣхъ материковъ для того, чтобы въ результатъ двухнедѣльныхъ дебатовъ отдѣлаться ничемъ не говорящими резолюціями, — это ли не катастрофа, могущая погубить все молодое социально-христіанское движеніе?

Этого не случилось. Резолюціи или тезисы Оксфорда очень содержательны, очень конкретны и даже радикальны при всей своей ивнѣшней слержанности. Эти тезисы принимались единогласно. Это можетъ показаться невѣроятнымъ. Руководители конгресса, отвѣтственные редакторы комиссій, избрали слѣдующій путь. Они стремились всюду добиться наибольшей конкретности, содержательности, остроты. Но тамъ, гдѣ граница единодушія была достигнута и начинались разногласія, редак-

ція тезисовъ честно указываетъ ихъ. Такимъ образомъ четко опредѣляются границы единства христіанскаго общественнаго мнѣнія. Если это мнѣніе болѣе или менѣе точно отразилось въ Оксфордѣ, то приходится удивляться, какъ велика область этого единства, несмотря на серьезность разногласій. Въ этомъ самый отрядный итогъ Оксфорда.

Въ 1937 году конгрессъ сосредоточилъ несъ широкій кругъ социальныхъ проблемъ вокругъ одной, самой острой и болѣзненной для Церкви темы современности. Эта тема «Церковь и государство» (или, точнѣе, «Церковь, народъ и государство») опредѣлилась для мирового христіанства, конечно, опытомъ германскаго расизма. Для насъ, русскихъ, она поставлена давно; но едва ли есть страна христіанскаго міра, которая, въ той или иной степени, не чувствовала бы на себѣ его исторической тяжести. Вопросъ, конечно, не поный, вопросъ тысячелѣтній. Все западное средневѣковье истекло кровью въ борьбѣ за его рѣшеніе. Но свѣтское, тоталитарное государство есть совершенно новый фактъ въ исторіи міра. Этотъ фактъ связанъ съ проваломъ демократическаго гуманизма послѣдняго столѣтія и со всѣмъ сложнымъ комплексомъ современнаго духовно - социального кризиса. Было бы слишкомъ легко для христіанства ограничиться самообороной, обличать гонителей, предъявлять свое непререкаемое (хотя столь часто въ исторіи отрицаемое) право на свободу совѣсти. Но это было бы лишнимъ воплемъ утопающаго, S. O. S. съ гибнущаго корабля въ океанѣ разбушевавшагося Левіаѳана. Ка-

кая, челоѣческая рука можетъ остановить преслѣдованіе христіанъ въ Россіи, въ Германіи, въ столькихъ другихъ мѣстахъ? Да и христіанская совѣсть не мирится съ подобнымъ ограниченіемъ. Спасать нужно не страдающія христіанскія общины, а весь погибающій или угрожаемый міръ. Вотъ почему тема «Церковь и Государство», оставаясь центральной на съѣздѣ, была лишь точкой кристаллизаціи цѣлаго ряда социальныхъ и политическихъ проблемъ. О широтѣ этихъ темъ свидѣлствуютъ секціи, на которыя разбился съѣздъ, и выработанные ими доклады. Эти секціи слѣдующія: 1. Церковь и народъ; 2. Церковь и государство; 3. Церковь, народъ и государство въ ихъ отношеніяхъ къ экономическому строю; 4. Церковь, народъ и государство въ отношеніи къ воспитанію; 5. вселенская Церковь и міръ народовъ. Последняя секція (международныхъ отношеній) выдѣлила изъ себя подсекцію по самому жгучему и трудному вопросу — о войнѣ.

Каждая изъ секцій представила съѣзду обширный докладъ, въ видѣ тезисовъ, суммарно и единогласно принятыхъ съѣздомъ. Познакомимся краткѣй съ содержаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ.

Два общихъ предварительныхъ замѣчанія. Доклады всѣхъ секцій предвѣщаются догматическими обоснованіями. Съ первыхъ же строкъ мы чувствуемъ, что передъ нами не резолюція политическаго или общественнаго собранія, но что политически звучащая формула идетъ изъ совершенно иной глубины. Это лишь социальная проекція религіознаго опыта церкви. Потребность въ догматиче-

скомъ обоснованіи тезисовъ была велика—у всѣхъ членовъ конгресса. Но въ то же время эти обоснованія, несомнѣнно, его самое слабое мѣсто. При догматическомъ разномысліи и пестротѣ, господствовавшихъ въ Оксфордѣ, было, конечно, немислимо найти удовлетворяющія всѣхъ формулы. Приходилось ограничиваться догматическимъ минимумомъ, и этотъ минимумъ, естественно, оказывался звучащимъ по-протестантски. Вліянія православныхъ и англиканъ было недостаточно, чтобы устранить чисто протестантскія доктрины; но остался особый тонъ обще-христіанскихъ мѣствъ, который окрашиваетъ скорѣе проповѣдь пастора, чѣмъ священника. Замѣчательно, все же, что этотъ искомый минимумъ былъ все же догматическимъ. Одна секція нашла его въ ученіи о «суверенности» Бога, другая — въ догматѣ воплощенія. Часто этическое обоснованіе, даже въ терминахъ Нагорной проповѣди, сознавалось недостаточнымъ. Въ этомъ сказался догматизмъ нашего времени. Насколько упрощеніе было подходъ къ тѣмъ же самымъ проблемамъ у христіанъ XIX столѣтія!

Другой красной нитью, проходящей черезъ тезисы всѣхъ секцій, былъ призывъ къ покаянію — призывъ, обращенный не къ міру, не къ безбожникамъ, а къ самимъ себѣ, къ христіанамъ, къ Церкви. Всѣ почти доклады подчеркивали вину христіанъ и ихъ отвѣтственность за грѣховную и трагическую дѣятельность. Духъ фарисейства и обвинительства какъ нельзя болѣе былъ чуждъ Оксфордскому собранію. Въ дальнѣйшемъ мы опустимъ

эти религиозныя и этическія предпосылки, ограничившись лишь социальными реакціями.

Докладъ III-ей, экономической, секція дала очень суровую критику современной хозяйственной системы и этическія предпосылки системы будущаго. Конгрессъ отказался отъ предрѣшенія техническихъ проблемъ (раціоналізація, денежная система и проч.), и въ этомъ смыслѣ не дала никакой экономической программы. Но онъ дала персоналистическія предпосылки для нея, исходя изъ оцѣнки положенія въ хозяйственномъ обществѣ человѣческой личности. Въ критикѣ капитализма въ наше время трудно быть оригинальнымъ. Однако конгрессъ въ умѣренной формѣ, но очень радикальной по существу отвергъ самыя основы современного общества. Онъ призналъ «препятствіями для социальной жизни»: 1. самое существованіе классовъ; 2. тѣ формы неравенства, которыя выражаются въ различіи «возможностей образованія, отдыха, гигиены, обстановки», обезпеченности труда; 3. «безответственную власть» лицъ и корпорацій въ экономической жизни. Присоединяя къ этому господствующій стимулъ наживы, конкуренціи и трудность осуществленія личнаго профессиональнаго призванія, мы получаемъ полностью социалистическую критику капитализма, но не съ классовой, а человѣческой точки зрѣнія. Слово социализмъ нигдѣ не упомянуто. Да въ наше время оно скорѣе плодитъ недоразумѣнія, чѣмъ содѣйствуетъ опредѣленности. И положительный строй рисуется тѣми же персоналистическими чертами: «Общество, старающееся преодолѣть

барьеры классовъ», социальное обезпеченіе слабыхъ, равенство образованія, возможность осуществлять личное призваніе. Безклассовое общество, постулируемое въ Оксфордѣ, есть, несомнѣнно, главное достиженіе современнаго социальнаго христіанства. Это — черта, отдѣляющая опредѣленно Оксфордскую тенденцію отъ папскихъ энцикликъ, напр., и отъ традиціоннаго моральнаго богословія, учащаго о гармоніи классовъ.

Впрочемъ, Оксфордскіе тезисы проникнуты духомъ разумнаго реализма. Именно поэтому они отказываются предрѣшать конструкцію будущаго общества и предостерегаютъ отъ утопизма строителей земнагорая. Характеренъ во всѣхъ отношеніяхъ §, осуждающій коммунизмъ — не какъ социальную систему, а какъ выраженіе материалистическаго и утопическаго міровоззрѣнія. Въ виду особаго интереса этого доклада, приведу его цѣликомъ:

«Несправедливости существующаго экономического строя вызвали къ жизни политическія движенія, напр., коммунизмъ, которыя приняли въ нѣкоторыхъ странахъ чисто антирелигіозный характеръ. Предъ лицомъ проблемъ, поставленныхъ современнымъ экономическимъ строемъ, и позиціей этихъ движеній, которыя являются отвѣтомъ на нихъ, Церковь должна изучать эти движенія въ духѣ лояльной и строгой критики, въ свѣтѣ Слова Божія. Христіане признаютъ со скорбью, что ихъ слѣпота и неспособность разобратъ въ неправдѣ современнаго положенія въ значительной степени повинны въ рѣш, вырваномъ между Церковью и револю-

ционными движениями, целью которых является социальная справедливость. Церковь не будет думать, что нападение на нее есть нападение на Бога. Какъ заявляли многие выдающиеся дѣятели Церкви за послѣдніе годы, требованія, выставленныя этими движениями въ интересахъ справедливаго социальнаго и экономическаго строя, имѣютъ общіе пункты съ Евангеліемъ. Однако Церковь должна отвергнуть ихъ утопическую и материалистическую форму. Судьба массы, отторгнутыхъ отъ вліянія христіанства, является въ настоящее время для Церкви предметомъ самыхъ мучительныхъ заботъ.

Какъ видимъ, моментъ церковнаго покаянія явно преобладаетъ здѣсь надъ моментомъ осужденія.

Опуская подробный, конечно, тоже важный докладъ, педагогической секціи, переходимъ къ основной и тѣсно связанной группѣ тезисовъ, посвященныхъ современному государству.

Спеціальное выдѣленіе вопроса о націи, конечно, объясняется постановкой его въ германскомъ раэизмѣ. Интересно, что въ англійскомъ языкѣ не нашлось и слова, точно передающаго нѣмецкое Volk (народъ), который поэтому сопровождается въ скобкахъ блѣдное англійское community. Для насъ имѣетъ особое значеніе тотъ фактъ, что создаваемая «нѣмецкими христіанами» богословскія теорія кое въ чемъ подозрительно перекликаются съ русскимъ славянофильствомъ и мессіаниззмомъ. Неудивительно, что Оксфордская отвѣдь имѣ мѣстами напоминаетъ Владиміра Соловьева. Съ большою силой под-

черкивается положительное значеніе многообразія національныхъ и расовыхъ характеровъ, въ которыхъ заложено различіе призваній. Любовь къ своему народу и служеніе ему является долгомъ и отдѣльнаго христіанина и Церкви. Но это служеніе не есть служеніе интересамъ націи: это «чистая проповѣдь Евангелія» въ предѣлахъ національныхъ обществъ. «Всякая форма національнаго эгоизма, приводящая къ угнетенію другихъ народовъ и меньшинствъ или даже къ недостатку уваженія къ ихъ дарамъ, есть грѣхъ и возмущеніе противъ Бога, какъ Творца и Господа всѣхъ народовъ». Равно грѣховно «собожествленіе собственнаго народа» или признаніе за нимъ особаго «спасительнаго откровенія» (мессіаниззмъ).

Анти-еврейская постановка расоваго вопроса въ Германіи вызвала необходимость особой декларация конгресса объ антисемитизмѣ. Но многіе расовые параграфы доклада имѣютъ въ виду цвѣтныхъ христіанъ и доложеніе христіанскихъ общинъ въ Америкѣ и Африкѣ, вооружаясь, напр., противъ внесенія въ богослужебную жизнь какихъ-либо различій по расѣ и цвѣту кожи (особые храмы для негровъ).

Тезисы о государствѣ составлены съ сугубой осторожностью. Приняты во вниманіе, какъ вселенскій, такъ и помѣстный характеръ христіанскихъ церквей, — послѣдній, обязывающій къ лояльности по отношенію къ народамъ и государствамъ. Государство объявляется богоустановленнымъ учрежденіемъ, хотя и способнымъ, по грѣховности человѣческой природы, само становиться «орудіемъ

зла: у Церкви и Государства разныя сферы, но есть и общее поле экономической, культурной и др. работы, гдѣ эти сферы скрещиваются. Государство, имѣющее «высшій авторитетъ» въ своей области, не является однако «высшимъ источникомъ закона, но скорѣе его гарантомъ, служителемъ, а не господиномъ справедливости». Последний авторитетъ для христіанъ — воля Божья. Въ силу этого государство не является носителемъ истиннаго суверенитета. Обязанности христіанъ по отношенію къ государству заключаются не только въ повиновеніи ему и молитвѣ за него, но и въ «критикѣ» его, поскольку оно уклоняется отъ справедливости, опредѣленной Словомъ Божиимъ, и даже въ неповиновеніи государственному приказу. Вместе съ тѣмъ «проникновеніе во все законодательство и управленіе принциповъ, согласныхъ съ достоинствомъ человека, какъ образа Божія», является также долгомъ христіанъ и Церкви. Необходимая свобода Церкви включаетъ и свободу воспитанія и свободу исповѣданія для меньшинствъ, даже враждебныхъ господствующей національной церкви, и «свободу, для всѣхъ гражданъ, тѣхъ возможностей, которыя обезпечиваютъ осуществленіе непосредственно религиозныхъ цѣлей».

Государство, связанное внутри закономъ справедливости, во внѣ связано тѣмъ же закономъ по отношенію къ семьѣ народовъ или государствъ. «Безусловный суверенитетъ націй есть зло». Международныя порядки составляютъ предметъ особой полеченій Церкви, какъ вселенскаго цѣлаго. Церковь поддерживаетъ всѣ учрежде-

нія, направленныя къ поддержанію мира и справедливости между народами (особо оговаривается значеніе Лиги Націй при всѣхъ ея несовершенствахъ). Работа въ пользу моральнаго разоруженія и экуменическаго «воспитанія», конечно, есть первый церковный долгъ въ этой области.

Когда всѣ усилія людей доброй воли оказались тщетными, и разразилась война, каково должно быть поведеніе христіанна? Таковъ былъ самый мучительный вопросъ для собравшихся въ Оксфордѣ, какъ и для всѣхъ насъ, живущихъ все время подъ знакомъ войны. Въ осужденіи войны конгрессъ былъ единодушенъ. Не было допущено никакихъ извиненій или смягченій, никакихъ романтическихъ иллюзій, которыми еще недавно старались спасти фасадъ войны даже въ христіанскихъ кругахъ. «Война предполагаетъ принудительную вражду, дьявольское надругательство надъ человѣческой личностью и безграничное искаженіе истины. Война представляетъ особенное выраженіе власти грѣха въ этомъ мірѣ, вызовъ правдѣ Божіей, окровавленной въ Иисусѣ Христѣ Распятомъ. Никакое оправданіе войны не смѣетъ скрывать или преуменьшать значенія этого факта».

Единодушные въ осужденіи войны, оксфордскіе богословы разошлись между собою, въ опредѣленіи поведенія предъ лицомъ войны. Удивляться этому не приходится. Будь это иначе, мы могли бы заподозрить ихъ въ легкомысленномъ и словесномъ прикрытіи трагической проблемы. Докладъ подсекиціи указываетъ на три теченія внутри конгресса, не упоминая о численномъ ихъ соот-

ношении. Во-первых, чистые пацифисты, которые при всѣхъ условіяхъ отказываются принимать участіе въ войнѣ. Во-вторыхъ, условные пацифисты, участвующие въ «справедливой войнѣ». Эта оправданность войны для однихъ опредѣляется международнымъ закономъ, для другихъ оборонительными и освободительными цѣлями войны: «защита жертвъ дерзкаго нападенія или обезпеченіе свободы угнетеннымъ». Третьи, пессимисты, считаютъ войну неустрашимой, и участвуютъ въ ней, повинаясь приказу государственной власти. Но даже и эта группа дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ случаевъ, гдѣ «существуетъ абсолютная увѣренность, что отечество сражается за неправо дѣло (напр., въ случаѣ неоправданной завоевательной войны)»; тогда отказъ гражданъ отъ войны будетъ являться законнымъ. Нѣкоторые изъ пріемлющихъ войну идутъ дальше, и готовы видѣть въ отказѣ отъ военной службы отдѣльныхъ лицъ «особое призваніе отъ Бога, обращающее вниманіе на извращенную природу міра, гдѣ возможны войны».

Религиозно чрезвычайно значителенъ и духовно безупреченъ призывъ молиться за враговъ во время войны. «Во время войны, какъ и во время мира, Церковь должна молиться не только за тотъ народъ, въ которомъ Богъ поставилъ ее, но и за враговъ этого народа». Сообразуясь съ указаніемъ молитвы Господней, христіане «не будутъ молиться противъ другъ друга». Проведеніе этого требованія въ жизни означало бы цѣлую духовную революцію.

Вспоминая наши собственные

иррациональныя колебанія въ 1914 году, легко замѣтить, что отношеніе къ войнѣ современныхъ христіанъ очень напоминаетъ отношеніе тогдашнихъ социалистовъ. Какой огромный и тяжелый опытъ долженъ былъ быть пройдемъ за эти 23 года, чтобы сдѣлать это сходство возможнымъ! Съ увѣренностью можно сказать, что тогда нельзя было найти официальныхъ представителей перживей, которые стояли бы на точкѣ зрѣнія даже самыхъ увѣренныхъ пацифистовъ Оксфорда. Въ 1914 г. было прощительно раздѣлять иллюзію, что война приведетъ къ установленію болѣе справедливыхъ отношеній между народами. Сейчасъ для всѣхъ становится яснымъ, что война — всеобщая, «экуменическая» война — можетъ закончиться только уничтоженіемъ цивилизаціи.

3.

Перечитывая оксфордскіе тезисы, прежде всего спрашиваешь себя: каковы ихъ удѣльный вѣсъ? Въ какой мѣрѣ люди, собравшіеся въ Оксфордѣ, представляютъ духовное состояніе современнаго христіанскаго міра, и какое значеніе ихъ идеи, ихъ воля могутъ имѣть въ хаосѣ катастрофическихъ событій?

Здѣсь мы должны тщательно остерегаться всяческихъ иллюзій. Слишкомъ пылкія надежды сулить жестокаго разочарованія. Уже и сейчасъ какой-нибудь скептикъ, читая эти превосходныя декларации, можетъ усмѣхнуться про себя: «*stop beau pour être vrai*». Но и скептицизмъ такъ же вреденъ, какъ и слѣпая довѣрчивость.

Сначала о представительствѣ. Полноправные делегаты представляли въ общемъ довольно большое число хр. церквей и общинъ. Но многія изъ этихъ общинъ, особенно американскихъ, имѣютъ весьма скромные размѣры. Изъ крупныхъ національныхъ церквей нужно прежде всего отмѣтить англиканскую церковь, которая является не только государственной церковью Англии, но и широко распространеннымъ исповѣданіемъ по всему англо-саксонскому міру. За нею слѣдуетъ протестантскія церкви Швеції, Голландіи, Швейцаріи и другихъ странъ и православныя церкви на Балканахъ.

О православномъ представительствѣ скажемъ особо. Въ общемъ, подавляющее большинство делегатовъ принадлежало протестантскому міру. Даже если не включать въ него цѣликомъ англиканства, съ его вліятельными каюляческими теченіями. Около половины делегатовъ прислала Америка, которая въ значительной мѣрѣ и опредѣлила оптимистическій и волевой характеръ конгресса. Оксфордъ желать бы быть съѣздомъ подлинно экуменическимъ — вселенскимъ. Это ему не удалось — конечно, не по его винѣ. Обратимъ вниманіе на отсутствующихъ. Объ одномъ изъ нихъ мы уже упоминали. Римская церковь принципиально отказывается принимать участие въ какихъ-либо собраніяхъ съ иновѣрцами, создавая свои параллельныя, униональное и социальное, движенія. Для нея христіанское единство рождается не въ соборованіи, а въ повинновеніи верховному первосвященнику, а пути социальнаго служенія указываются его эн-

цикликами. Это печальный фактъ, и фактъ неустрашимый. Вторымъ отсутствующимъ, о которомъ много говорилось на съѣздѣ, съ сочувствіемъ и сожалѣніемъ, была германская лютеранская церковь, делегаты которой не получили отъ правительства паспортовъ въ самый послѣдній моментъ. Какъ разъ наканунѣ Оксфордскаго конгресса Гитлеръ арестовалъ популярнаго пастора Нимейера и рядъ другихъ церковныхъ дѣятелей. Отсутствующая германская церковь все время стояла предъ лицомъ конгресса въ нимбѣ исповѣдничества, вдохновляя его резолюціи; мы видѣли, что она опредѣлила самую тему конгресса. Третьимъ великимъ отсутствующимъ, о которомъ, къ сожалѣнію, мы не слышали ничего, кромѣ холодной официальной резолюціи послѣдняго дня, была Русская церковь. Для русскихъ делегатовъ это умолчаніе о Россіи было горько. Конечно, кровавыя страданія русскихъ христіанъ безмѣрно превышаютъ тяжесть испытаній христіанской Германіи. Но къ нимъ привыкли (20 лѣтъ!), къ нимъ подходятъ съ другими мѣрками, да христіанская Россія никогда и не была участницей экуменическаго движенія; ея отсутствіе не такъ, потому, и замѣтно. Наша горечь усугублялась еще одной мыслью. Съ какимъ правомъ представители другихъ христіанскихъ церквей могли бы возвысить свой голосъ противъ гоненій на русскую церковь, глава которой торжественно отрицаетъ самый фактъ гоненій. Русская дѣйствительность и такъ трудно доступна для пониманія иностранцевъ.

Эти отсутствующіе вмѣстѣ со-

ставляют большинство христианского мира. Их отсутствие и дѣлаетъ экуменическое движеніе, если не по идеѣ, то въ дѣйствительности, движеніемъ, прежде всего протестантскимъ. Позволительно спросить себя, насколько участіе другой, отсутствующей, половины измѣнило бы характеръ съѣзда и содержаніе его рѣшеній.

Германія прислала бы представителей «исповѣднической» церкви, которые горячо поддерживали бы ими же вдохновенные тезисы Оксфорда. Но вмѣстѣ съ ними пріѣхали бы «нѣмецкіе христіане» и то центральное «болото», которое всегда ищетъ компромисса и приспосабливается къ требованіямъ власти. Мы знаемъ, что «исповѣдническая» церковь представляетъ лишь меньшинство самыхъ стойкихъ и вѣрныхъ христіанъ среди протестантовъ Германіи. Расистское движеніе имѣетъ много приверженцевъ среди пасторовъ и теологовъ, какъ и вообще среди нѣмецкой интеллигенціи. Опора на государственную власть, богоустановленность которой такъ сильно подчеркивалъ Лютеръ, составляла всегда отличительную черту нѣмецкаго протестантизма. Новый воинствующій націонализмъ вызвалъ къ жизни богословскія теоріи германскаго мессіанства, кое въ чемъ созвучныя русскому славянофильству, но этически очень отличныя отъ него. Словомъ, безъ полицейской предусмотрительности Гитлера, въ Оксфордѣ появилась бы небольшая числомъ, но сильная качествомъ оппозиція, защищающая идеи христіанскаго націонализма.

О настроеніи отсутствующей Римской церкви извѣстно по папскимъ энцикликамъ: *Quadragesi-*

mo anno, противъ коммунизма, національ - социализма и др. Въ сущности, ихъ содержаніе не отличается сильно отъ оксфордскихъ тенденцій, хотя конечно, имѣетъ не столь радикальный характеръ. Римская церковь въ наши дни сознательно перестала быть опорой стараго порядка (или безпорядка). Она прекрасно отдаетъ себѣ отчетъ въ смыслѣ и направленіи социальной революціи нашей эпохи. Но она желаетъ сохранить позицію центра — не неподвижнаго, но медленно двигающагося, — сохраняя до поры до времени позицію примирительницы между борющимися классами и народами, — съ тѣмъ, чтобы въ послѣдній моментъ, безъ труда и противорѣчій съ собой, благословить побѣдителя. Въ социальной борьбѣ нашихъ дней протестанты выступаютъ борцами, нерѣдко революционерями, католики скорѣе дипломатами, но участниками того же общаго дѣла. Оксфордъ и Ватиканъ — въ одной и той же линіи историческаго движенія, хотя Ватиканъ надежный союзникъ въ повседневной борьбѣ. Его широкія и благородныя энциклики, обращенныя ко всему католическому міру, не мѣшаютъ терпѣть или вести реакціонную или фашистскую политику въ отдѣльныхъ странахъ: въ Испаніи, въ Австріи и, конечно, въ Италіи. Зато, на католическую совѣсть міра слова римскаго первосвященника ложатся болѣе вѣско, чѣмъ націоналистическія выходки итальянскихъ или испанскихъ епископовъ.

Наконецъ, Россія и православіе. Ибо, среди православныхъ отсутствовала не одна Россія. Ихъ представительство вообще было чрез-

вичайно слабымъ. Тридцать делегатовъ не соответствуютъ даже численному значенію балканскаго христіанства. Правда, среди этихъ делегатовъ были ответственные представители національныхъ церквей, высшіе іерархи, и даже главы помѣстныхъ церквей. Экзархъ вселенскаго патріарха, митрополитъ Германосъ, занималъ постоянное мѣсто въ президіумѣ. Но православное представительство носило слишкомъ официальный характеръ. По признанію авторитетныхъ дѣятелей балканскаго екуменическаго движенія, за ними не стоитъ церковнаго народа. Широкая масса вѣрующихъ не имѣютъ никакого понятія о томъ, что происходитъ на міроныхъ сѣздахъ. Главы церквей считаютъ своимъ долгомъ поддерживать екуменическую инициативу. Это уже очень много. Но, конечно, это не даетъ никакихъ оснований предполагать съ ихъ стороны, — ихъ и ихъ паствы, полнаго сочувствія принявшимся резолюціямъ. Многіе православные іерархи въ Оксфордѣ прѣехали поздно (другіе изъ обѣщанныхъ не явились вовсе), въ выработкѣ тезисовъ участія не принимали. Лишь небольшая группа профессоровъ, изъ которыхъ особо сѣдуетъ упомянуть болгарскаго дѣятеля, извѣстнаго прот. Панкова и парижскихъ русскихъ богослововъ во главѣ съ прот. Булгаковымъ, принимали дѣятельное участіе въ сѣдяхъ. Самое большее, что можно сказать о православной делегации, это то, что она не возражала, не нарушивъ единогласія въ голосованіи. Этими самымъ она, конечно, взяла на себя моральную ответственность, но эта ответственность ни въ какой мѣ-

рѣ не является ответственностью національныхъ церквей. Ибо, согласно уставу екуменическихъ сѣздовъ, ихъ резолюціи не связываютъ никого изъ участниковъ. Говоря точно, это не резолюціи, а тезисы. Они предлагаются всѣмъ церквямъ для внимательнаго изученія, а не для руководства къ дѣйствию. Только этимъ и объясняется возможность единогласія въ голосованіяхъ. Если въ однихъ случаяхъ, напр., для большинства протестантскаго міра, они дѣйствительно соответствуютъ среднему или общему составу христіанскаго общественнаго мнѣнія, то въ другихъ этого соответствія можетъ не быть. Его несомнѣнно нѣтъ въ большинствѣ православныхъ странъ, гдѣ социальныя проблемы стали передъ церковнымъ сознаниемъ слишкомъ недавно, гдѣ массы слишкомъ мало культурны, гдѣ историческая традиція слишкомъ тѣсно связала національныя іерархи съ судьбой отдѣльныхъ государствъ и националистическимъ движеніемъ. Соціальная идея глубоко и органически присуща духу православія. Ея раскрытіе хотя бы въ русской релігіозной мысли даетъ основаніе для многихъ надеждъ. Но въ настоящемъ дѣйствительность не очень радуетъ. Въ котлѣ шовинистическихъ и классовыхъ ненавистей, который представляетъ собою восточная Европа — географическая территория православія — фашизмъ разныхъ типовъ и наименованій можетъ долго еще питаться релігіозными вѣртіями православныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь все въ борьбѣ, въ неопредѣленности. Въ настоящемъ, на Востоку лучше не возлагать соци-

альных и политических надежд.

Вь итогъ, оксфордскія тенденци довольно точно отражают настроеніе протестантскаго міра и менѣе точно, но безъ прямыхъ искаженій, — міра католическаго. Лучше всего онѣ соответствуютъ духу и активности англо-саксонскаго христіанства. Географически, съ точки зрѣнія Европы (Римал) это Западъ и Сѣверъ, политически это страны старой демократіи, ея родина, гдѣ она имѣла и имѣетъ религиозное освященіе, гдѣ она не собирается умирать. Римская церковь, при всей универсальности своей, главнымъ образомъ опирается на народы центральной Европы, съ ихъ очень различными, мѣняющимися политическими режимами. Удѣлъ православія — Восточная Европа, нынѣ преимущественно страна диктатуръ.

Эти политико-географическія соображенія помогаютъ отчасти отвѣтить на послѣдній и самый важный вопросъ: о непосредственномъ историческомъ значеніи и дѣйствительности оксфордскихъ постановленій. Наибольшую дѣйственность они, безусловно, имѣютъ въ странахъ англо-саксонскаго міра, въ странахъ мощныхъ демократій. Это какъ разъ тѣ страны, гдѣ влияние христіанства на политическую и общественную жизнь еще не исчезло, гдѣ религиозная концепція міра, несмотря на вѣка секуляризациі, еще вдохновляетъ политика-реформатора (Рузвельтъ, Макдональдъ). И это какъ разъ тѣ страны, отъ социальной энергіи и доброй воли которыхъ сейчасъ зависятъ судьбы міра. Восточная Европа обвали-

лась первой, и съ Востока на Западъ, какъ лѣсной пожаръ, распространяется огонь разрушенія. Центральная Европа сейчасъ представляетъ неустойчивую арену борьбы противоположныхъ силъ. Предоставленная сама себѣ, она явно обречена гибели. Сейчасъ послѣднія надежды — на Западъ, на христіанскій Западъ. Если Америка справится съ труднѣйшей проблемой социальной реконструкциі, если Англія выйдетъ изъ своего, уже не величаваго, покоя и постарается догнать упущенное не въ безнадежномъ охраненіи, а въ творческой работѣ, тогда не все потеряно. Новыя формы жизни, созданныя на Западѣ, подобно новымъ техническимъ изобрѣтеніямъ, или новымъ лозунгамъ, на которыя такъ надко измученное человѣчество, могутъ произзвать своимъ лучеспусканіемъ весь міръ. Была же красная Москва въ теченіе столькихъ лѣтъ прizrачнымъ маякомъ для стародавняго міра, тоскующаго о чудѣ избавленія и готоваго принять отовсюду протянутую руку. Съ Востока шли лучи смерти. Теперь это стало всмо для всѣхъ. Жизнь, настоящая человѣческая, теплая жизнь сохраняется на Западѣ, гдѣ не зашло еще на культурномъ и общественномъ небѣ солнце христіанства. Говоря языкомъ политикъ, совершенно трезвымъ и нѣсколько циничнымъ, на Западѣ сейчасъ христіанскій интернаціональ сильнѣе рабочаго и всякихъ иныхъ. Но влияние его, какъ всякой религиозной силы, не поддается точному учету, не выщипается въ формы никакихъ организацій. Оно различается въ воздухѣ, которымъ дышитъ всякій, который составляетъ невѣсомую и не-

уловимую атмосферу духовно-национальной жизни.

Конечно, въ наши дни христіанство — религія меньшинства. Такой она является по существу и въ англо-саксонскомъ мірѣ. Но меньшинствомъ оно было и во дни Константина, когда побѣдило Римскую Имперію. Весь вопросъ въ томъ, каково его качество, какова сила его вѣры. Исторія міра не разъ переживала глубочайшіе перевороты и движенія, вызванныя активнымъ религіознымъ меньшинствомъ. Сейчасъ дѣло идетъ о чемъ-то болѣе трудномъ, чѣмъ завоеваніе Гроба Господня или низверженіе Стюартовъ. Дѣло идетъ не о взрывчатомъ, фа-

натическомъ, революціонномъ разрядѣ, скорѣе разрушительномъ, чѣмъ созидательномъ. Намъ нужно планомѣрное и организованное усиліе нѣсколькихъ поколѣній милліоновъ работниковъ объединенныхъ общей вѣрой и дисциплиной. Можетъ ли дать ихъ сейчасъ христіанскій міръ? Прямого отвѣта быть не можетъ. Но тѣ огромныя энергіи, которыя пробуждаются къ жизни въ экуменическомъ и социальномъ христіанскомъ движеніи, даютъ основанія для надежды. Во всякомъ случаѣ это послѣдняя надежда стараго, «европейскаго» человечества.

Г. Федотовъ.

На службѣ Россіи

(Alexandre Istvolsky. Au service de la Russie. Correspondance Diplomatique. 1906-1911. Tome I. Paris, 1937. Edit. Internationales).

Этому сборнику личной секретной переписки министра Иностр. Дѣлъ А. П. Извольскаго съ русскими посланцами въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ (съ графомъ Остенъ-Сакеномъ, княземъ Урусовымъ, Н. В. Муравьевымъ, А. Нелядовымъ и графомъ Бенкендорфомъ) можно было бы дать подзаголовокъ: Европа на пути къ великой войнѣ.

Нужно сразу оговориться. При всемъ своемъ захватывающемъ интересѣ, «На службѣ Россіи» книга не для большой публики и, къ сожалѣнію, не для послѣвоенныхъ поколѣній. Письма министра и посланца являются какъ

бы подстрочникомъ, ключемъ къ дипломатическимъ нотамъ, декларациямъ и встрѣчамъ того времени. Ихъ нужно знать, помнить или изучать, для того чтобы оцѣнить, какое значеніе имѣетъ публикуемая переписка для пониманія далекой уже, но воистину судьбоносной эпохи, для опредѣленія доли участія правительствъ отдельныхъ великихъ державъ въ совместной подготовкѣ общей катастрофы; для оцѣнки роли отдельныхъ государей и государственныхъ дѣятелей въ качествѣ «организаторовъ мира» или «свѣчниковъ войны». Правда, сборнику переписки А. П. Извольскаго предпослано толковое введеніе профессора Института Международныхъ Наукъ въ Парижѣ Г. Г. Шклявера, но этотъ краткій очеркъ дипломатической дѣятельности А. П. Извольскаго далеко конечно не